ловеческая деятельность содержит два различных вектора, один обращен — к Богу, другой — к миру. «Обращенность к Богу,— формулируют исследователи этого вопроса,— дает непосредственно религиозное творчество — богослужение, храмовое искусство и внутреннее делание, то есть преодоление человеческого естества, дарующее связь с Господом. Обращенность к миру рождает науку, так называемое „светское“ искусство, социально-политическую и хозяйственную общественную практику».[14] Таким образом, софийная природа русской усадьбы обнаруживает стихийную, т. е. не всегда осознаваемую самим владельцем усадьбы, религиозную основу — служение, внутреннее и внешнее домоустроение. Вот это софийное воплощение микрокосма усадьбы и «выслоилось», по нашему мнению, в повести Радищева. Причем в данном случае неважно, осознанно или неосознанно для писателя явилось это «отслоение».

Таким образом, житийный и радищевский Филарет — это явления одной духовной природы, одной ментальности, но разновекторные. Они ни в коей мере не должны и не могут быть противопоставляемы друг другу. Через них выразились разные воплощения (религиозное и мирское, но направленное тоже к Творцу) одной и той же духовной основы человеческого делания, творчества.

Радищев раскрывает в «Повести о Филарете Милостивом» как бы этапы и элементы формирования нравственного идеала, результат которого изложен крестицким дворянином. Необходимо заметить, что среде, формирующей человека с детства, писатель как последователь французских энциклопедистов придает важное, если не определяющее, значение. Ср. в «Повести о Филарете»: «Благому примеру навыкшая душа издетства укоренилась во благоделании» (I, 401). Так, повествуя в «Слове о Ломоносове» («Путешествие из Петербурга в Москву») о детстве русского гения, он не случайно останавливается на обстоятельствах его детства. Ломоносов рожден «от человека, который не мог дать ему воспитания, дабы посредством оного понятие его изострилося и украсилося полезными и приятными знаниями <...>. От воспитания в родительском доме он приял маловажное, но ключ учения, знание читать и писать, а от природы любопытство <...>. Сия тесная округа сведений, кои он мог приобресть на месте рождения своего, не могла усладить жаждущего духа...» (I. 380–381). Радищев как бы сравнивает с эталоном усадебного детства, которое могло дать все необходимое юноше для вступления в жизнь.[15]

Самым главным полагает писатель для этого периода жизни человека «начальное образование души», именно души, а не разума, так как разуму потребно время, чтобы «устроить в порядок» много понятий, «собранных посредством чувств» (I, 156). У провинциальной усадебной жизни

---

[14] *Долгополова С., Лаевская Э.* Душа и Дом. Русская усадьба как выражение софийной культуры // Наше наследие. 1994. № 29–30. С. 150.

[15] Без сомнения, здесь есть мотив автобиографический, как и в своеобразном лирическом отступлении того же «Слова о Ломоносове»: «...частым чтением церковных книг он основание положил к изящности своего слога; какое чтение он предлагает всем желающим приобрести искусство Российского слова» (I, 382).